

МЕДИАСТИЛИСТИКА

УДК 81'42

Этикетность женского сетевого дневника

Е. А. Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Щеглова Е. А. (2023). Этикетность женского сетевого дневника. *Медиалингвистика*, 10 (1), 87–103. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.105>

Проблема влияния гендера на язык в лингвистике поставлена давно. Однако большое количество исследований сосредоточено на выделении некоего списка речевых средств, употребление которых должно отразить специфику женского и мужского типов общения. С нашей точки зрения, гораздо более перспективным представляется путь комплексного изучения речевого поведения отдельно взятого сообщества, объединенного по тем или иным признакам, с выделением характерных сценариев общения. В этом отношении методологически верным представляется выделение этикетной линии и рассмотрение ее особенностей для выявления специфики женского речевого поведения в сети. В качестве эмпирического материала нами были взяты женские сетевые дневники как своеобразное преломление традиционного жанра личного дневника. Сетевой дневник отличается от своей офлайн-версии изначальной ориентацией на широкого (а точнее сказать, случайного) адресата. Постепенно у автора формируется круг постоянных читателей — подписчиков, которые оставляют комментарии под каждой дневниковой записью — постом. Внутри каждого такого дневника наряду с типичными для всех женских сетевых дневников этикетных правил формируются свои, продиктованные особенностями речевого и неречевого позиционирования автора дневника. Как показывает исследование, для женского сетевого поведения характерно строгое следование выработанным ритуалам, отслеживание нарушений этикета и борьба с такими нарушениями, стремление к психологическому комфорту как основной коммуникативной ценности, соблюдение тематического единства внутри отдельно взятого диалогического цикла, эмоциональная подвижность, приводящая к возникновению специфических форм речевой агрессии — перепалкам, обсуждению подробностей личной жизни, переходу в личную сферу.

Ключевые слова: социальные сети, сетевой дневник, этикет, этикетная линия, гендер.

Постановка проблемы

В настоящее время в научном поле широко обсуждаются проблемы, касающиеся лингвистического осмысления речевой практики социальных медиа: речевой параметризации коммуникативной практики [Duskaeva 2021], статусно-ролевой репрезентации языковой личности в сети [Болотнова 2017; Malyshev 2018; Пивоварчик 2019] и др. Цифровая личность во всей совокупности ее речевых характеристик находится в центре пристального внимания исследователей.

Долгое время бытовало мнение, что сетевое общение стирает социальные различия пользователей, погружая их в некую универсальную и анонимную среду [Kramarek, Taylor 1993; Herring 1996]. Утверждалось также, что цифровая среда создает особое коммуникативное поле, попадание в которое заставляет человека иначе проявлять себя, подчиняться силовым линиям этого поля: «В сетевой среде нет никакой свободы для формирования персональной идентичности, правит цифровая диктатура» [Пильгун 2018: 15]. Очевидно, что отчасти это действительно так. Технологическая сторона не может не войти в совокупность экстралингвистических факторов, определяющих речевое поведение. Однако очевидно и другое: женское сетевое общение имеет специфику, связанную с осознанием своей гендерной идентичности, что часто связано с представлением о роли матери.

Как показывают психологические и социологические исследования, в ходе сетевой коммуникации женщины апробируют и вырабатывают стереотипные формы женского и родительского поведения [de los Santos, Amaro, Joseph 2019]. Таким образом, обыденные речевые практики переходят в цифровую среду, становясь продолжением речевой повседневности. Границы сетевого и офлайн-общения не остаются непроницаемыми. Это показало, в частности, исследование женского сетевого этикета, характерного для сообществ мам [Duskaeva 2021: 139–175]. Матери, состоящие в различных сетевых сообществах, решают в сети проблемы, стоящие перед ними в реальной жизни, при этом легко возвращаются к традиционным формам коммуникации для достижения своих целей и поиска решений (нередко участницы сообществ знают друг друга лично и общаются не только внутри сетевой группы).

Нет сомнений, что изучение трансформации традиционных речевых практик в цифровой среде является актуальной задачей. Одним из аспектов рассмотрения этой проблемы представляется изучение этикета в широком понимании термина, предложенном Л. Р. Дускаевой и основанном на лингвокомпозиционном подходе к исследованию этикетной линии в общении той или иной социальной группы [Duskaeva 2020]. Такой подход дает возможность выявить специфику речевого поведения того или иного сетевого сообщества. В данном случае в центре нашего внимания находятся особенности гендерного поведения в цифровой среде.

История вопроса

Очевидно, что вопрос об особенностях женского сетевого поведения неразрывно связан с более широкой проблемой влияния гендера на язык. Существование гендерной лингвистики как самостоятельного направления научных исследований в настоящее время мало у кого вызывает сомнение. Начало осмыслению указан-

ной проблемы было положено в работе Р.Лакофф [Lakoff 1975], где автор впервые выделила специфические черты женского языка: особый состав лексических средств; аффективные прилагательные; средства, помогающие смягчать категоричность суждений; особенности цветообозначения; супервежливость; гиперкорректность и др.

В настоящее время гендерная лингвистика имеет два основных вектора развития. Первый из них связан с изучением отдельных средств, в той или иной степени отражающих специфику женской речи. В таких работах представлены группы ресурсов или списки отдельных единиц, по которым можно определить феминность речи. Например, целый ряд исследований посвящен изучению диминутивов в женской речи [Земская, Китайгородская, Розанова 1989]. Такой подход, безусловно, имеет ценность как способ каталогизации ресурсов отражения в языке гендерной принадлежности, однако более перспективным представляется второй вектор.

В рамках второго направления выделяются стереотипные формы речевого поведения и коммуникативные тактики различных полов. Таким образом констатируется возможность выделения особого типа речепорождения, определяемого таким социальным фактором, как гендер [Кирилина 1999; Кирилина 2021]. В этом отношении очевидна невозможность рассмотрения гендера в отрыве от других социальных характеристик (например, гендера и социальной роли матери, гендера и профессиональной принадлежности и пр.). Так, П. Экерт говорил о необходимости не столько делать глобальные обобщения, сколько изучать речевую практику отдельных групп с учетом всей совокупности социальных факторов [Eckert 1992]. Дж. Коатс подчеркивал, что нет незыблемости гендерных предпочтений речевых форм, поэтому возможно исследовать только тенденции [Коатс 2005].

Очевидно, что гендер, несомненно, влияет на характер общения в отдельных сообществах в социальных сетях. Нужно отметить, что исследовательское внимание неоднократно обращалось на язык женского интернет-общения. Так, в известной работе Е. И. Горошко сравниваются статистические данные об использовании речевых средств в личной переписке мужчин и женщин [Горошко 2006]. Установлена разница в длине предложений, использовании местоименных замен, частоте употребления глаголов и пр. В этом отношении речь снова идет о поиске набора неких типовых средств, выражающих своеобразие языка, определяемое гендером.

Кроме того, широкое освещение в научном и публицистическом дискурсах получило такое явление, как «мамский язык». Под последним понимается комплекс речевых средств (в первую очередь лексических), которые используются женщинами в обсуждении темы детей, их рождения и воспитания. Показательны в этом отношении публикации, распространившиеся в моменты пика интереса к названному явлению в сети, в которых приводятся целые списки лексических единиц «мамского языка» с их значениями — своеобразные словари. Например, в материале О. Сосницкой «Мамский язык: от пузожителей до кесарят»¹ приводятся подобные ряды слов:

Б — беременная, беременность.

Беременюшечки — оплодотворенные овуляшечки. Синоним — *беремушки, беремульки, беремчатые*.

¹ Электронный ресурс <http://medportal.ru/budzdorova/food/mamskiy-yazyk-ot-puzozhiteley-dokesarjat/>.

Запузычивание — занятия сексом с целью зачатия. Синоним — *запузыривание, активное планирование*.

ЗБ — замершая беременность (не путать с «*заБ*»: забеременеть).

Икститься — идти на процедуру искусственного оплодотворения яйцеклетки при проблемной спермограмме.

Монстрики — менструации. Синоним — *месики*.

Мочкануться — сделать тест мочи. Синоним — *замочить тест*.

Овуляшечки — женщины, прилагающие активные усилия для наступления беременности.

Интерес медиапространства к этой теме привел к тому, что научное сообщество также включилось в обсуждение проблемы. Например, М. А. Кронгауз обращается к осмыслению этой группы жаргонной лексики [Кронгауз 2013]. Однако, на наш взгляд, речь идет все-таки о частной проблеме отбора речевых средств в женском сетевом общении (ср. первое направление гендерной лингвистики). Важно заметить при этом, что набор этот может изменяться с течением времени, подчиняясь диктату языковой моды. Так, по нашим наблюдениям, актуальные ранее лексические единицы «мамского языка» практически утратили свое значение в настоящее время в общении женщин в социальных группах. Употребление же подобных лексем стало маркером особого типа поведения, определяемого через слово «яжемать».

Большую перспективу, как представляется, имеют исследования женского сетевого общения, в которых рассматриваются типовые коммуникативные сценарии, законы движения коммуникации внутри сообщества. Методологическую основу такого рода исследования обеспечивает праксиологический подход, разработанный Санкт-Петербургской школой медиалингвистики. В настоящее время создана теоретическая, методологическая и эмпирическая база для изучения женского речевого поведения в сети. В рамках проекта по исследованию сетевого этикета славянских стран [Duskaeva 2021] были рассмотрены группы, выделяемые по различным признакам — в том числе по гендерному. В статьях Е. А. Щегловой рассмотрена композиционная роль вторых реплик в коммуникации на женских форумах [Shcheglova 2019], выявлены особенности выбора номинаций для обращения к участникам общения как часть самоманифестации и адресации в женском речевом поведении [Коняева, Прокофьева, Щеглова 2020]. Данное исследование является продолжением обозначенного круга работ и посвящено изучению этикетной линии внутри традиционного жанра женского дневника, подвергаемого трансформации в цифровой среде.

Описание методики исследования

На наш взгляд, в женском сетевом дневнике сопряжены два традиционных речевых жанра — дневник в своей традиционной внесетевой форме и традиционный для русской культуры «разговор по душам» [Дементьев 2019]. Сходство сетевого и традиционного дневников естественно. М. Г. Чулюкина указывает на такие признаки-методы дневника, как синхронность, субъективность, дискретность, датируемость, регулярность [Чулюкина 2009]. Все это, без сомнения, можно отнести и к интернет-дневнику. Однако традиционный дневник не предназначен для чужих

глаз, пишется для себя или для «отсроченного адресата» (например, в случае использования формы дневниковых записей для материала, который невозможно опубликовать здесь и сейчас). Отсюда высочайшая степень интимизации. «Разговор по душам» предполагает наличие адресата, но это традиционно весьма узкий круг лиц, пользующихся максимальной степенью доверия. Такого рода коммуникация не предполагает публичность, для нее характерны интимность и исповедальность. Помещение дневниковых записей в цифровую среду полностью меняет состав и свойства участников коммуникации. Ситуация с максимально узким кругом посвященных перерождается в ситуацию «по секрету всему свету». Отсюда правомерность использования системы методов и подходов, применяемых медиалингвистикой: праксиологический анализ, контент-анализ, лингвостилистический анализ медиатекста.

В качестве эмпирического материала мы предлагаем женские электронные дневники, которые создаются авторами каналов коммуникативной платформы «Яндекс.Дзен». Задача каждого автора — максимально расширить круг подписчиков и читателей канала для его монетизации, поэтому основные признаки дневника в той или иной степени трансформируются в способы привлечь и удержать читателей на канале. Отсюда своеобразие этикетной линии, выстраиваемой в общении авторов и пользователей. В ходе исследования мы следили за «сетевой жизнью» около 20 женских блогов-дневников (около 1500 инициальных постов). В данной работе для демонстрации типичных тенденций женского сетевого взаимодействия будут использованы материалы двух из них. Представляется важным, что сами выбранные блоги во многом контрастны друг другу: в них используются разные способы инициации общения, провоцирования реакции, авторы по-разному выстраивают взаимодействие со своими подписчиками.

Мы предполагаем придерживаться следующей последовательности при выполнении анализа:

- 1) выявление характеристик конкретных дневников, выделяемых на основании анализа авторского представления о своем дневнике, определения им целей общения, «хороших» и «плохих» подписчиков/комментаторов и т. п.;
- 2) анализ инициального поста, в качестве которого выступает сама дневниковая запись, как реплики-стимула. В первую очередь нас интересуют конкретные черты трансформации дневниковой записи под воздействием изменения коммуникативной ситуации в цифровой среде;
- 3) выявление тактик авторов дневников для провоцирования реакции пользователей (решения подписаться/отписаться, комментирования);
- 4) определение типов реплик-реакций в их взаимосвязи с речевыми параметрами конкретных сетевых дневников;
- 5) анализ этикетных и неэтикетных практик общения между автором и подписчиками/комментаторами в зависимости от провозглашаемых ими ценностных ориентиров.

Анализ материала

Интимизация как провокация

Типичным примером перенесения дневниковых записей в интернет-среду является канал «Злая безногая ГАЛА». Читателю предлагается ряд ежедневных записей мемуарного характера, в которых автор рассказывает об отдельных эпизодах своей жизни. Каждая запись имеет заголовок, оформленный в формате «Глава N. Название». Выход глав носит регулярный характер: они появляются раз в сутки в 3:00 по Москве. Канал заполняется и публикациями другого типа: впечатления дня, обращения к подписчикам, разрозненные воспоминания и истории из жизни, не относящиеся к центральной мемуарной линии, но жизнеописание в главах составляет сердцевину блога. Именно главы мемуаров собирают больше всего комментариев, их ждут читатели и подписчики, созданная автором навигация по каналу касается только этих глав.

Свой канал автор представляет так (здесь и далее цитируется в авторской редакции): *Живу 40 лет без ноги. Скачу на протезе. Люблю жизнь, люблю путешествия, люблю автотуризм. Злая, резкая, реальная. Слюни, сопли не про меня. Жалеть никого не буду, взял себя за уши, и вытянул из дерьма. Но иногда плачу, бывает². Обращает на себя внимание изначальная самопрезентация автора как злого человека (и в названии канала, и в его представлении). Очевидно, что в этом случае такое самоопределение не является оценочно отрицательным, скорее наоборот — призвано демонстрировать самобытность и уникальность автора. Это получает отражение в стиле общения с подписчиками: Галя вступает в острую пикировку с читателем, не терпит возражения и высказывания мнения, отличного от ее собственного. Не понравившихся своими комментариями пользователей автор удаляет из подписчиков (*расстается* — в ее собственной терминологии). Примерно та же тональность прослеживается и в регулярных обращениях автора к подписчикам: *Первый раз в жизни осознала, сколько гадости приносят в жизнь люди-какашки. Черт знает, чем я их спровоцировала! Думаю, что донатами. Хотя может просто посторонние на канал пошли из-за показов. Сегодня опять забанила двух. Ну не могут люди остановить поток, который из них изливается!!!! А изливается из них не родниковая вода!; Что то случилось в связи с тем, что канал получил больше показов. Такое ощущение, что я в выгребную яму попала. Ужас какой то. Сегодня утром даже передумала статью публиковать, об алкоголизме, страшно. Опубликую случай из жизни с хорошим завершением. А то опять накинута эти пришлые на меня, на моих подписчиков. И опять начнется срач в комментариях. А мне он что то вообще не понравился, такое ощущение, что тебя за руку в болото тянут. Кстати, вчера заблокировала Белку. Через полчаса она уже вернулась, как Мышка.**

Аудиторию канала, предположительно, составляют в основном женщины одного возраста с автором (так они позиционируют себя при комментировании). Чтение постов позволяет им соотнести свой жизненный опыт с жизненным опытом автора, свои ценности с ценностной системой, представленной в текстах и комментариях. Совпадение и несовпадение, приятие или неприятие перечисленного составляет тематическую основу комментариев к инициальному посту. Заведомая

² В цитируемых материалах сохранена орфография и пунктуация источника.

провокативность канала составляет его привлекательность как для разделяющих или принимающих ценности автора, так и отвергающих их. В первом случае есть общность интересов, во втором — возможность демонстрации себя как нравственной и высокоморальной личности.

Провокативность текста определяется в первую очередь содержанием постов: описывается сексуальная жизнь автора, поднимаются темы домашнего насилия и алкогольной зависимости автора и его окружения. Для русского сознания главной заповедью речевого взаимодействия является сформулированный в старинной паремии запрет выносить сор из избы. В анализируемом сетевом дневнике эта рекомендация игнорируется, даже попирается: текст представляет собой рассказ без купюр о сексуальной жизни автора дневника. Намеренная эпатажность инициальных постов рассчитана на яркую реакцию читателей. В первую очередь это реакция неприятия, так как именно она способна стать отправной точкой дискуссии-перепалки, создание которой, как кажется, и является основной задачей автора.

Инициальные посты мемуарного характера отличаются особого типа тональностью, обладающей заведомой привлекательностью для читателей. Тональность воспоминания о прошлом создается совокупностью средств. Прежде всего обращает на себя внимание характерная система темпоративов и локативов, отсылающих к прошлому — другому времени и другой стране: *Он казался мне в тот день самым несчастным, и его извинения казались мне искренними; Но в то время я еще многого не знала об этом человеке. А скорее всего не хотела знать. Ведь правда смотрела на меня из зеркала, что еще то надо было? И так же еще я многого не знала о том, какие последствия у алкоголизма, как влияет алкоголь на мозги и психику. А самое страшное, наверно то, что я не понимала, что мой гражданский муж, хронический алкаш. Именно поэтому он может выпить ведро водки, и не пьянеет. У этого всего страшные последствия. Но в той стране пили все, это было нормальным; Я маленько отвлеклась от того вечера, от того, как меня били смертным боем, о того, как я проснулась утром и увидела себя в зеркало. И стоя перед этим зеркалом рассматривала последствия моей семейной жизни и огромной любви.* Характерно для автора использование местоимения *тот* для фиксации читателя на конкретном моменте своей жизни.

Другой особенностью создания тональности воспоминания становятся ретроспективные размышления автора сегодняшнего о себе в прошлом (сочетание личного местоимения 1-го лица и темпоратива): *Интересно, я тогда осознавала с кем я сплю и что от этого может родиться? Вряд ли. Люди тогда были наивными до безобразия, и генетику за науку не считали. А такие поговорки, как «у осинки не рождаются апельсинки», «у свиньи не рождаются бобры, те же поросенки», употребляли, не как констатацию факта, а как шутку. Зря.*

Иногда такая ретроспективная аналитика сопровождается советами читателям на основе анализа конкретной жизненной ситуации: *Вообще, вспоминая о той жизни с Толей, и наложив эти воспоминания на жизненный опыт, получился запоздалый вывод. Все мужчины разные, и у всех свои ценности. Так вот девочки, надо искать мужичка с тараканами в голове, у которых родственная вашим порода. Если порода не совпадет, жизнь будет бестолковая и грустная.* Характерно разделение личности рассказчика — «сейчас» и «тогда», создается типичный мемуарный хронотоп: субъект мемуарной событийной линии отличается от автора ме-

муаров отсутствием жизненного опыта и вследствие этого неспособностью к аналитическому осмыслению собственной жизни. Соединение двух этих авторских «я» внутри мемуарного изложения формирует соответствующую побудительную модальность («надо искать»). Убедительность правильности совета доказывается с помощью представления адресату последствий несоблюдения рекомендаций автора («если... то...»). Интимность коммуникации поддерживается типичным для женского общения обращением «девочки», имеющим фамильярно-дружеский характер и используемым без каких-либо возрастных ограничений.

Такой тип инициального поста порождает два основных типа реакции: острое неприятие/осуждение и поддержка/сочувствие. В первом случае комментаторы получают удовольствие от чтения и комментирования, демонстрируя свое превосходство над автором канала: *Напивалась до поросычьего визга, а потом опохмелялась, одновременно имели во все щели. А теперь она первое отвергает, так как не знала в этом первом наслаждения хорошего вина и границ, а второе превозносит, так как натуру исправит только одно.* Во втором случае коммуникация укладывается в типичные рамки «разговора по душам», перенесенного в онлайн, удовольствие приносит чувство единения, получаемое от разговора о схожем жизненном опыте: *А я жалею, что была скромной и зашуганой, всего и всех боялась. Да и не было рядом как-то ни Паишки, ни Генки. Один вечно пьяный муж, которому было не до секса, только до бутылки. Неправильно меня, наверно, мать воспитала. И вспомнить нечего и некого. Вот дура была!*

На первый взгляд кажется, что разделения на этикетное/неэтикетное речевое поведение устроено в данном случае очень просто: первый тип реплик расценивается как неэтикетный, поэтому нередко заканчивается баном, второй — как этикетный. Однако этикетная линия устроена в данном случае сложнее. Именно первый тип реплик становится двигателем коммуникации на канале:

Пользователь 1: *При чем тут страна? Пили и пьют не в стране, а в соответствующем окружении. В моей семье выпивали по большим праздникам — Новый год, День рождения. Покупалась 1 бутылка шампанского. На детские дни рождения вообще никаких взрослых посиделок не было. Я выросла в окружении непьющих людей...*

Автор: [Пользователь 1], не надо мне про окружение. Детям спиртного продавали! Как смешно! Бутылка шампанского! У нас не было шампанского в магазинах! Может вы жили у кремля? Вы откуда, такая идеальная с идеальным окружением? Это в той стране были вытрезвители и ЛТП! Для кого?

Пользователь 2: *Злая безногая ГАЛА, несмотря на мое абсолютно трезвое окружение тогда, я тоже уверена, что сейчас пьют меньше, чем тогда. Работали, конечно, все, но производительность труда в СССР была крайне низкой, а травматизм высоким. В том числе и из-за пьянства.*

Пользователь 3: [Пользователь 1], неее, раньше пили, однозначно, больше.

Пользователь 1: *Злая безногая ГАЛА, я жила в обычной семье. Шампанское покупали специально к праздникам. Советское 5.50к. кажется стоило...*

Автор: [Пользователь 1], когда я попала под поезд, маневровый диспетчер был пьян! Кому я должна верить? и т. д.

Коммуникация строится на обмене личным жизненным опытом: «я — мы — в той стране — в то время». Само собой разумеется, что воспоминания не могут быть объективны, разница в восприятии личного опыта при идентичности возрас-

та и локуса лежит в основе реактивности в данном диалоге. Угрозы автора «забанишь» того или иного пользователя нередко заканчиваются реальной блокировкой подписчика. Факт получения удовольствия обеими сторонами от такого общения доказывается возвращениями пользователей в группу под другими никами, имеющими реминисцентные отсылки к предыдущим вариантам, примером служит выбор анималистических номинаций: Белка, Мышка, Зайка и т. п. (набор ников одного пользователя, упорно возвращающегося «из бана»).

Экспрессивный эмоциональный выплеск — истинная цель общения, отсюда и заведомая демонстративная провокативность инициального поста. С пользователями-хейтерами (тип сетевой личности, коммуникативная ценность которой состоит в отрицательной оценке личности, действий, образа жизни и прочего собеседника) автор вступает в активную коммуникацию, к которой присоединяются другие пользователи, занимая ту или иную сторону. Часто после особенно острых конфликтов автор публикует отдельные посты, подводящие итоги коммуникации такого рода: *Деффчонки!!!! Давайте жить дружно!! Ну все, пережили вчерашний скандалчик, идем дальше! Хорошее утро, хороший день, зачем сидеть в куче сами знаете чего! Женя имеет право подписываться отписываться, комментировать, это ее выбор.*

Интимизация повседневности

Иную тактику ведения электронного дневника можно увидеть на примере канала «8 раз мама». Это дневник многодетной матери, которая делится со своими читателями впечатлениями дня, событиями жизни, наблюдениями о воспитании детей. Магистральная тематическая линия определена уже названием дневника. Канал для сети «Яндекс.Дзен» обладает высокой популярностью — 117 900 подписчиков.

Автор дает следующее описание блога: *GB. Многодетная жизнь в тайге. Что страшнее медведи в соседях или 8 мужиков, которые постоянно хотят есть? 8 детей. 7 мальчиков. 7 погодок. Девятый будет? Понарожала просто так.* Это представление вряд ли можно назвать в традиционном смысле текстом, обладающим связностью и цельностью. Очевидно, что это отдельные реплики типовых сценариев диалога, которые разыгрываются с участием автора. Если первое предложение — просто номинативное обозначение тематики дневника, его центральной темы (многодетность), то далее читатель вовлекается в диалог или, точнее, стереоскопическую проекцию многих диалогов автора с самим собой, миром, своими подписчиками и просто посторонними людьми. Вопрос, сформулированный во втором предложении, скорее всего, обращен автором к самому себе и тематически связан с первым номинативным предложением: «тайга — медведи», «многодетная жизнь — 8 мужиков». Далее следует череда номинативных предложений, создающих канву жизни хозяйки дневника. И снова вопрос — можно предположить, что он или подобный ему часто задается автору как многодетной маме: многодетность не воспринимается в России как норма [Банная и др. 2019]. Женское сетевое сообщество часто высказывает осуждение в адрес таких мам. Последнее предложение — типичный ответ-блокатор гипотетическим хейтерам [Shcheglova 2019]: агрессия предполагаемого типового вопроса нейтрализуется саркастическим по-

ложительным ответом на обвинение. Для дневника в целом характерна манифестация многодетного материнства: в записях автор подчеркивает свою социальную роль, акцентирует внимание на сложностях в воспитании детей, как самономинацию использует сочетание «8-детная мама/мать». При этом саморепрезентация автора демонстрирует намерение сохранить границы личного пространства, предупреждает о неуместности высказываний от пользователей-хейтеров в коммуникативном пространстве дневника.

Нужно отметить, что сами инициальные посты крайне редко несут следы агрессивного речевого поведения и представляют собой дневник многодетной мамы с осмыслением бытовых ситуаций и жизненных обстоятельств повседневности. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на заголовки идущих подряд записей: *Вклад в семью или отобрать у сына заработанные деньги и потратить на свое усмотрение; И пришло смирение; Скейт парк мини-версия; Уже даже повисеть может; 70 тысяч на сборы в лагерь. Готовимся к отъезду; Почему носков и трусов даю пацанам мало, рассказываю и т. д.* Очевидно, что содержание инициальных постов заключается в рассказе о повседневных событиях и житейском опыте автора. Иногда выходящим из ряда привычных событиям посвящено несколько подряд инициальных постов. Например, конфликт одного из сыновей автора с сотрудником охраны в сквере спровоцировал сразу несколько записей: *Как моего сына вчера охранник в будке запер, назвав петухом; Поедем в дежурную часть... Как нас к ребенку пускать не хотели; Ребенок рассказал, за что его вчера удерживал охранник сквера; За что моего сына в полицию сдали. Официальная версия ЧП; Про телефон и почему дети не позвонили; Геи малолетние или как охранник за моим сыном наблюдал.* По заголовкам такого типа можно легко восстановить хронологию событий. Типична синтаксическая конструкция выстраивания повествовательной линии: «как... субъект/объект, предикат».

Подписчики канала вовлекаются в череду повседневных событий жизни автора: известны имена всех действующих лиц (автора, ее детей, мужа), их черты характера, увлечения и пр.; быстрая сменяемость событий и ситуаций обеспечивается самим положением многодетной мамы с 8 детьми. Наблюдение за жизнью автора становится частью повседневности постоянных читателей дневника. Возможность подсмотреть за чужой жизнью, прокомментировать ее сама по себе является мощным средством вовлечения читательской аудитории, большая часть которой тоже женщины и мамы. Такой состав аудитории обеспечивает общий круг интересов автора и читателей, создается, пусть и эфемерное, ощущение родства, принадлежности к большой семье: *Наташенька, ваши дети, будут скучать еще больше Вас!* Характерно использование в комментариях личного имени автора в многообразных уменьшительно-ласкательных формах, что демонстрирует установку на интимизацию общения, поскольку традиционно такие обращения используются в семье или в очень узком кругу общения. Примечательно, что автор, в отличие от многих других сетевых дневников, использует реальные фотографии, то есть пользователи в буквальном смысле знают своих героев в лицо, что также способствует сокращению дистанции.

Такой характер инициальных постов провоцирует проявление вовлеченности особого типа: демонстрации причастности и участия, что обуславливает специфические для женского сетевого общения типы реакции. Так, совет часто называют

ведущей жанровой формой в онлайн-группах мам, однако, как показывает наше исследование, в зависимости от коммуникативной ситуации характеристики этой формы могут быть весьма изменчивы [Амурская, Рахматуллина 2013]. В случае сетевого дневника совет трансформируется, скорее, в обмен опытом, позиции дающего совет и принимающего его максимально сближаются. При этом диалогический цикл может не ограничиваться пределами одного поста и комплексом комментариев к нему: комментарии к одной из записей могут спровоцировать новый пост на ту же тему, являющийся реакцией на типичные комментарии. Например, таковым стал в дневнике диалогический цикл, посвященный сборам детей в спортивный лагерь. На эту тему автор создает несколько дневниковых записей, освещая разные аспекты события. Часть из них становится ответом на комментарии пользователей, что отражается либо только в самом тексте поста: *Недавно в комментариях меня просили подробно рассказать о сборах парней, что я им в чемоданы укладываю, в каком количестве и т. д. И в какую сумму эти сборы обходятся;* либо в заголовке, а затем уже в тексте: *Почему носков и трусов даю пацанам мало, рассказываю.* В комментариях пользователей продолжается обмен опытом: *В чумадан все тоже. Только влажную туалетную бумагу еще (салфетки салфетками))) Одежды (футболку, трусы, носки) скручиваю такой бомбочкой. Они тогда не мнутся и места меньше занимают. Полотенца 2 штуки. Тейп + пластырь + липкий бинт; Примерно так же, только полотенце пару — большое и среднее и стиральный порошок или мыло хозяйственное для постирушек; трусов/носок хватает на такую смену? Я когда на неделю уезжаю, большие с собой беру, хотя бы просто на всякий случай... особенно носки))* (последний комментарий и подобные ему и спровоцировали появление поста «Почему носков и трусов даю пацанам мало, рассказываю»). Можно увидеть, что общение движется по типичному для сетевой коммуникации сценарию «А я / мы / у меня / у нас» (по модели стихотворения С. В. Михалкова «А что у вас?»). Диалог в этом случае расщепляется на несколько параллельных потоков, объединенных общей тематической доминантой.

Следует отметить, что для женского сетевого общения характерна коммуникативная аккуратность, которая выражается в том числе строгим соблюдением тематического единства (так называемый офтоп сравнительно редок). Каждая из собеседниц рассказывает о своем опыте в решении сходных обозначенным автором житейских задач, этот опыт потенциально может стать руководством для других, как можно действовать в той или иной ситуации. Опыт может быть воспринят собеседницами как в положительном, так и в отрицательном ключе. В первом случае автору или любому из комментаторов будет высказано одобрение/согласие: *примерно то же самое, примерно так же, да это верно, все правильно, Наташа* и т. п. Во втором предлагается альтернативный вариант действий, высказывается возражение: *Удивлена, что носков так мало положите, они их сами стирают? но у меня дети по младше в том году в обчный лагерь отправляла 7летнего и 8ми летнего, каждому положила по 15 пар носков и по 12 трусов.*

В ряде случаев совет может стать способом контактоустановления, демонстрацией сближения комментатора и автора дневника: *Не забудьте проверить кроссовки!!!! А то Григорий может опять взяться за старое))) Добррого пути!!!!* В этом случае пользователь показывает, что он знаком с обстоятельствами жизни автора,

следит за его дневниковыми записями, сопоставляет информацию о предыдущем опыте с настоящим моментом (*может опять взяться за старое*).

Еще одним важным вариантом развития диалога в подобных сетевых дневниках является случай, когда в инициальном посте автор жалуется на какие-то обстоятельства жизни, а типичной репликой-реакцией становится выражение сочувствия, утешение. Например, одна из записей автора имеет заголовок: *Как я в запой ходила, но не дошла*, это, по своей сути, жалоба, «крик души», запрос на сочувствие: *У меня был очень трудный год. Как началась нездоровая канитель с прошлого августа и этого сраного лагеря, в который попали мои дети, так и не заканчивается до сих пор...* Комментаторы отвечают автору в рамках принятой этикетной нормы: *Пусть этот отпуск станет точкой отсчета других событий, положительных. Каких то еще банальностей говорить не хочется... Вы и так их знаете. Морально с Вами; Хорошего вам отдыха Наташа. От души желаю вам восстановления. Меня тоже иногда так накрывает от многодетности и бесконечных каких-то проблем; Добрый день. Это жизнь, Наташенька, это жизнь. Только не поддавайтесь унынию. Что то наладится, а что то нет. Кто-то вернется, а кто-то уже нет. Надо идти вперед... спотыкаясь, прихрамывая, пошатываясь, а иногда и ползком. Но только вперед, и только с мыслями что все будет хорошо и я справлюсь. Вы не одна... и вам помогут... обязательно помогут ваши близкие, родные и любимые.* Реакция выражается через типизированные грамматические и лексические средства: пожелания благополучия — *пусть* + глагол будущего времени, существительное в родительном падеже; выражение сочувствия — личные местоимения, отражающие сопричастность: *я — вы (я с вами)*, личные местоимения + *тоже (меня тоже)*, утешение — фразеосхема (*это + суц.*) + обращение + лексический повтор: *это жизнь, Наташенька, это жизнь*; формульные конструкции: *держитесь, мы с вами* и т. п., а также эмодзи соответствующего типа (сердце, рукопожатие, поцелуй и пр.).

На примере подобных диалогических циклов очень хорошо можно увидеть, какие реплики-реакции воспринимаются как неэтикетные. Например, уточняющие вопросы о причине смерти подруги автора дневника, о которой говорится в цитируемом посте, расцениваются как неуместные. Разные пользователи несколько раз задают этот вопрос и каждый раз получают отрицательную реакцию, выраженную через вопрос-блокатор:

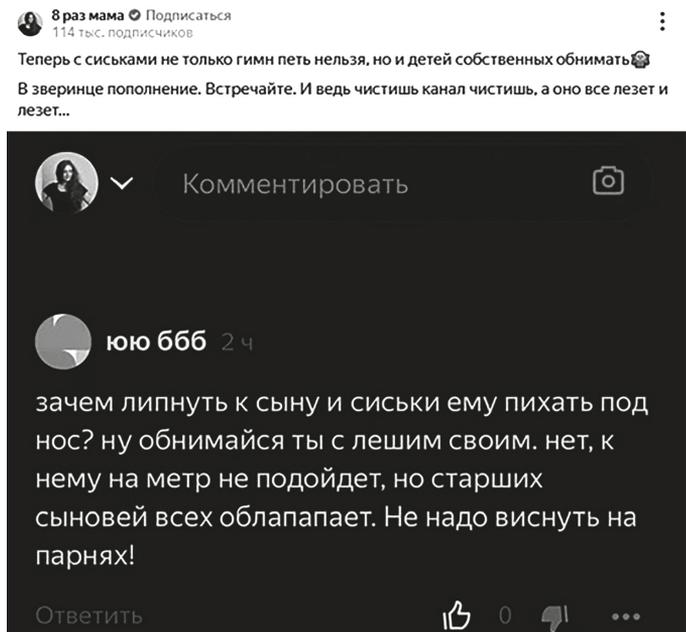
Пользователь 1: *А что случилось с подругой? Почему такая внезапная смерть?*

Автор: *[Пользователь 1], какая разница?*

Пользователь 2: *А что с подругой случилось, что так неожиданно?*

Автор: *В гармонии с собой и с другими, зачем вам эта информация? Для чего? Вы ее даже не знаете.*

Вопрос подобного рода воспринимается автором как вторжение в личное пространство. Любопытно, что, несмотря на размытость границ личного общения в интернет-коммуникации, о которой так часто говорят, сами пользователи четко устанавливают границы этичного и неэтичного, этикетного и неэтикетного. Неуместные вопросы, советы, реплики, содержащие оскорбления и инвективы, получают соответствующую реакцию, а иногда становятся поводом для отдельного поста (рисунок).

Противодействие конфликтному поведению («Яндекс.Дзен».
Электронный ресурс: <https://dzen.ru/8razmama7pogodok>)

Получается своего рода доска позора для провинившихся пользователей. Подобное средство санации (термин Л. Р. Дускаевой) применяется, по нашим наблюдениям, во многих каналах и является типичным ответом нарушителям коммуникативного спокойствия.

Результаты исследования

Предыдущее исследование показало, что этикетная линия в женских интернет-сообществах имеет свои специфические черты [Duskaeva 2021: 139–175], наблюдаются:

- четкая выработка правил коммуникативного поведения и неукоснительное их соблюдение, отсюда приобретают важность средства санации конфликтов;
- последовательное ведение тематической линии;
- коммуникативная упорядоченность, заключающаяся в стремлении предотвратить конфликтные ситуации до их появления, соблюдение принципа комфорта общения;
- эмоциональная подвижность, отсюда легкая потеря контроля в ситуации провокации;
- специфические формы выражения речевой агрессии — перепалки, обсуждение подробностей личной жизни, переход в личную сферу.

Обращение к материалам сетевых женских дневников показывает правомерность выводов о специфике женского сетевого общения. Однако онлайн-дневник

как особый коммуникативный формат сетевого общения имеет собственные особенности воплощения этих черт, сопряженные с чертами традиционного дневника как жанра. Так, этикетные правила общения и границы этикетного и неэтикетного поведения определяются внутри самого канала, на котором ведется дневник, его автором. Специфику этикетной линии можно выявить на основе анализа самоманифестации автора, включающей название канала, аватарку, самономинации, описание канала. Содержательный и лингвостилистический анализ постов и комментариев к ним, включающих нередко и ответы самого автора, позволяет окончательно определить контуры этикетной линии в отдельно взятом дневнике.

Однако возможно определить и некоторые этикетные особенности женского сетевого дневника в целом в их взаимодействии с характерными чертами дневника традиционного. Так, субъективность объясняет этикетность высокой степени интимизации записей внутри дневника-канала. Степень интимности повествования определяется автором и демонстрируется читателям в постах. Нарушение личных границ расценивается как неэтикетное действие («8 раз мама»). Иногда нарочитая интимность повествования становится средством вовлечения пользователей, провоцирование их на реакцию определенного типа (перепалки, обсуждение подробностей личной жизни и пр.).

Признаки традиционной формы перерождаются в средство привлечь и удержать пользователей («Злая безногая ГАЛА»).

Дискретность дневника получает технологическое воплощение на платформе, где размещен дневник: ограничение объема поста, определяемое правилами платформы и/или внутренним этикетом. Нередко прямо указывают на существование этого правила, например, извиняясь за избыточно длинный пост. Одно событие жизни часто разбивается на кусочки, воплощаясь в нескольких дневниковых записях. Так, автор канала «Злая безногая ГАЛА» намеренно останавливает повествование на «самом интересном месте», а автор «8 раз мама» в случае особенно значимых событий и ситуаций посвящает им несколько идущих следом друг за другом постов.

Датируемость проявляется в привязке поста к определенной дате и т. п. Нередко авторы подстраивают ведение канала под свой распорядок дня, тогда посты выходят в определенное время. Иногда авторы обозначают это время для своих читателей. Например, записи «Злой безногой ГАЛЫ» выходят строго в 3:00 по Москве. Такая привязка ко времени также становится средством этикета, а также инструментом вовлечения. Пользователи, включаясь в игру, вслед за автором приспосабливают свой режим дня к чтению очередного поста (за завтраком, в транспорте и т. п.), что отмечается в комментариях. И это также становится проявлением регулярности дневниковой записи.

Выводы

Результаты, полученные в ходе исследования, показали перспективность изучения этикетной линии в ходе развертывания коммуникативного сценария для выявления гендерных особенностей общения. Такой подход позволяет не просто установить набор речевых средств, в той или иной степени характерных для женского сетевого общения, но определить саму внутреннюю специфичность онлайн-коммуникации.

Так, для женского общения характерно прежде всего строгое соблюдение ими же выработанного ритуала. Это хорошо видно на материале, который был взят нами для анализа, — женском сетевом дневнике. В отличие от общения в сетевых сообществах в дневнике-канале есть строгая иерархия ролей. Автор канала определяет границы этикетной и неэтикетной коммуникации, конфигурацию этикетной линии общения, а затем следует установленным правилам сам и вынуждает подчиняться им других участников коммуникации, реагируя на нарушения словесно или путем удаления пользователя из канала. Тем самым сохраняется психологический комфорт участников общения, который является основной коммуникативной ценностью для женского сетевого общения.

Литература

- Амурская, О. Ю., Рахматуллина, А. И. (2013). Реализация речевого акта совета в англоязычном форуме для молодых мам. *Филология и культура*, 4 (34), 19–22.
- Банных, Г. А., Зайцева, Е. В., Костина, С. Н., Кузьмин, А. И. (2019). Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений. *Вопросы управления*, 1 (37), 22–36.
- Болотова, Н. С. (Ред.). (2017). *Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия*. Томск: Томский центр научно-технической информации.
- Горошко, Е. И. (2006). Интернет-коммуникация в гендерном измерении. *Вестник Пермского университета*, 3, 219–229.
- Дементьев, В. В. (2019). «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации. *Quaestio Rossica*, 1 (7), 255–274.
- Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. (1989). О чем говорят и как говорят мужчины и женщины. *Русская речь*, 1, 23–31.
- Кирилина, А. В. (1999). *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Ин-т социологии РАН.
- Кирилина, А. В. (2021). Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*, 3 (49), 109–147.
- Коатс, Дж. (2005). Женщины, мужчины и язык. В *Гендер и язык*. Москва: Языки славянской культуры.
- Коняева, Ю. М., Прокофьева, Н. А., Щеглова, Е. А. (2020). Речевая этикетность сетевого общения: семантика и прагматика номинаций пользователей. *Вестник Томского государственного университета*, 458, 32–40.
- Кронгауз, М. А. (2013). *Самоучитель Олбанского*. Москва: Corpus.
- Пивоварчик, Т. А. (2019). Статусно-ролевая репрезентация участников сетевого сообщества в диалогах интернет-форума. *Медиалингвистика*, 6 (3), 402–413.
- Пильгун, М. А. (2018). Цифровая мода в эпоху Big Data: свобода или диктат? В *Сети 4.0. Скорость изменений* (с. 10–15). Москва: ASIS.
- Чулюкина, М. Г. (2009). *Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности*. Дис. ... канд. филол. наук. Казань.
- De los Santos, T. M., Amaro, L. M., Joseph, N. T. (2019). Social Comparison and Emotion across Social Networking Sites for Mothers. *Communication reports*, 32 (2), 82–97.
- Duskaeva, L. (2020). Speech etiquette in online communities: Medialinguistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.
- Duskaeva, L. (Ed.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Palgrave.
- Eckert, P. (1992). Think practically and look locally: language and gender as community-based practice. *Annual review of anthropology*, 21, 461–490.
- Herring, S. C. (1996). *Computer-mediated communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives*. John Benjamins Publishing.
- Kramarea, Ch., Taylor, H. J. (1993) Women and Men on Electronic Networks: a Conversation or Monologue. In *Women, Information Technologies, and Scholarships* (pp. 52–61). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York: Cambridge University Press.
- Malyshev, A. A. (2018). Network nominations of media communication participants in the modern Russian language. *Media Linguistics*, 5 (3), 339–345.

Shcheglova, E. A. (2019). Etiquette of second remarks in social networks (illustrated with examples of social networking “Country of moms”). *Media Linguistics*, 6 (2), 263–273.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Щеглова Екатерина Александровна — канд. филол. наук, доц.; e.scheglova@spbu.ru

Etiquette of female weblog

E. A. Shcheglova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shcheglova E. A. (2023). Etiquette of female weblog. *Media Linguistics*, 10 (1), 87–103. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.105> (In Russian)

The issue of gender influencing the language has long been discussed in linguistics. But a great number of researches are focused on making a list of speech means, the use of which must reflect the specifics of female and male communicative types. From our viewpoint it is more fruitful to make a complex study of speech behavior in a single society united by some signs, outlining typical communicative scenarios. In this relation it is methodically correct to outline the etiquette line and to consider its peculiarities to determine the specifics of female speech behavior in the web. As an empiric material we used female weblogs as a unique deflection of the traditional genre of personal diary. The weblog is different from its offline version by the initial orientation on the wide (occasional, it is better to say) audience. Gradually the author forms a range of regular readers — subscribers who leave comments under each publication (or post) in the log. Inside each log along with typical for all female weblogs etiquette rules there exist own ones, due to the peculiarities of speech and non-speech self-presentation of the weblog author. As the study shows, it is typical for female speech behavior to strictly follow the selected rituals, to find violations of etiquette and to struggle with such violations, to long to psychological comfort as a main communicative value, to follow topical unity inside a single dialogue cycle, emotional dynamic which leads to the appearance of specific aggressive forms in speech — catfights, discussion of private life, entering the private sphere.

Keywords: social networks, weblog, etiquette, etiquette line, gender.

References

- Amurskaia, O. Iu., Rakhmatullina, A. I. (2013). Implementing the council's speech act in an English-language forum for new mothers. *Filologiya i kul'tura*, 4 (34), 19–22. (In Russian)
- Bannykh, G. A., Zaitseva, E. V., Kostina, S. N., Kuz'min, A. I. (2019). The Phenomenon of Large Families in Russia: a Sociological Analysis of Changes. *Voprosy upravleniia*, 1 (37), 22–36. (In Russian)
- Bolotnova, N. S. (Ed.). (2017). *Language personality and media environment: communicative-cognitive aspects of interaction*. Tomsk: Tomskii tsentr nauchno-tekhnicheskoi informatsii Publ. (In Russian)
- Chuliukina, M. G. (2009). *Diary as a genre of journalism: subject-functional features*. PhD thesis. Kazan. (In Russian)
- De los Santos, T. M., Amaro, L. M., Joseph, N. T. (2019). Social Comparison and Emotion across Social Networking Sites for Mothers. *Communication reports*, 32 (2), 82–97.
- Dement'ev, V. V. (2019). “Heart to heart” in the system of values of Russian speech communication. *Quaestio Rossica*, 1 (7), 255–274. (In Russian)
- Duskaeva, L. (2020). Speech etiquette in online communities: Medialinguistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.

- Duskaeva, L. (Ed.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Palgrave.
- Eckert, P. (1992). Think practically and look locally: language and gender as community-based practice. *Annual review of anthropology*, 21, 461–490.
- Goroshko, E. I. (2006). Internet communication in the gender dimension. *Vestnik Permskogo universiteta*, 3, 219–229. (In Russian)
- Herring, S. C. (1996). *Computer-mediated communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives*. John Benjamins Publishing.
- Kirilina, A. V. (1999). *Gender: Linguistic Aspects*. Moscow: In-t sotsiologii RAN Publ. (In Russian)
- Kirilina, A. V. (2021). Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Voprosy psikholingvistik*, 3 (49), 109–147. (In Russian)
- Koats, Dzh. (2005). Women, Men and Language. In *Gender i iazyk*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Koniaeva, Iu. M., Prokof'eva, N. A., Shcheglova, E. A. (2020). Speech Etiquette in Network Communication: Semantics and Pragmatics of Users' Nominations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 458, 32–40. (In Russian)
- Kramarea, Ch., Taylor, H. J. (1993) Women and Men on Electronic Networks: a Conversation or Monologue. In *Women, Information Technologies, and Scholarships* (pp. 52–61). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Krongauz, M. A. (2013). *Albansky's self-teacher*. Moscow: Corpus Publ. (In Russian)
- Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York: Cambridge University Press.
- Malyshev, A. A. (2018). Network nominations of media communication participants in the modern Russian language. *Media Linguistics*, 5 (3), 339–345.
- Pil'gun, M. A. (2018). Digital fashion in the Big Data era: freedom or diktat? In *Seti 4.0. Skorost' izmenenii* (pp. 10–15). Moscow: ASIS Publ. (In Russian).
- Pivovarchik, T. A. (2019). Status and role-playing representation of the participants of the network community in the dialogues of the Internet forum. *Media Linguistics*, 6 (3), 402–413. (In Russian)
- Shcheglova, E. A. (2019). Etiquette of second remarks in social networks (illustrated with examples of social networking “Country of moms”). *Media Linguistics*, 6 (2), 263–273.
- Zemskaja, E. A., Kitaigorodskaja, M. V., Rozanova, N. N. (1989). What men and women talk about and how. *Russkaia rech', 1*, 23–31. (In Russian)

Received: September 14, 2022

Accepted: November 3, 2022

Author's information:

Ekaterina A. Shcheglova — PhD in Philology, Associate Professor; e.scheglova@spbu.ru